

«НЕ ДЕЛО СТУДЕНТОВ НАЗНАЧАТЬ СЕБЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ»: КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ПРОФЕССОРАМИ И СТУДЕНТАМИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14. В25.31.0009).

Преимущественно на архивном материале характеризуются конфликтные ситуации между профессорами и студентами, имевшие место в российских университетах на рубеже XIX–XX вв., с целью реконструкции проблемных зон, отражавших кризисное состояние отечественного университета в рассматриваемый период. Предлагается классификация конфликтов, предполагающая их разделение на две больших группы: конфликты, связанные с учебным процессом, и конфликты, являвшиеся составной частью студенческого протестного движения. Сделан вывод, что к числу ключевых проблем университета, определяемых по студенческо-профессорским конфликтам, можно отнести: разрыв между представлениями студентов и профессоров о правах и возможностях учащихся в университете; ограничения для легального проявления студенческой самоорганизации, де-факто имевшей место; политизация как студенчества, так и профессуры, вызывавшая острые идейные трения одних со вторыми.

Ключевые слова: университет; профессура; студенчество; конфликты; Российская империя.

Университет является весьма консервативным общественным институтом; особенно наглядно это проявляется в повседневных практиках, в вопросах субординации, в том, какие роли исполняют члены «университетской семьи»: студенты, вспомогательный персонал, профессора, представители администрации, в том, как выстраиваются отношения между ними. Однако в прошлом российской высшей школы были периоды, когда ситуация выходила из привычного равновесия. История рубежа XIX–XX вв. дает важный и полезный материал для анализа университетских сообществ – преподавательского и студенческого – в кризисных условиях. Причем можно вести речь о двух параллельно протекавших кризисах: с одной стороны, о кризисе традиционно-патерналистской модели высшей школы, с другой – о кризисе политическом, рассматривая большой «университетский вопрос» в качестве одной из многих накопленных в стране проблем, приведших в итоге к краху империи.

Цель настоящего исследования – через характеристику конфликтных ситуаций между профессорами и студентами, имевших место в российских университетах на рубеже XIX–XX вв., реконструировать проблемные зоны, отражавшие кризисное состояние отечественного университета в рассматриваемый период.

Анализ конфликтов для реконструкции прошлого полезен тем, что подобные ситуации, отложившиеся в разнообразных источниках, обнажают проблемы, подсвечивают «узкие места» любой системы (в нашем случае – университетской), позволяют увидеть наличие разных точек зрения на один предмет.

Обобщим многочисленные конфликтные ситуации, возникавшие между студентами и преподавателями, разбив их на две тематические группы:

- конфликты, связанные с учебным процессом;
- конфликты, являвшиеся составной частью студенческого протестного движения.

Можно утверждать, что в конце XIX в. университетская жизнь большинства студентов протекала в «штатном режиме» и с точки зрения отношений между «учащими и учащимися» соответствовала пред-

ставлениям о норме. Воспоминания студентов тех лет изобилуют светлыми образами профессоров и передают патетическое отношение к университету преобладающей доли мемуаристов. Однако случавшиеся эксцессы заслуживают внимания по вышеуказанной причине. Приведем несколько примеров.

К.М. Гречищев, учившийся в Томском университете (ИТУ) с 1894 г., оставил воспоминание о конфликте между студентами и профессором Е.В. Вернером, причем мемуарист подчеркивал, что Е.В. Вернер был одним из самых популярных преподавателей, чьи лекции посещались полусотней студентов. Конфликт же произошел тогда, когда студенты, застав однажды двери в лекционную аудиторию закрытыми, стали стучать, после чего появившийся профессор обрулил их. «Студенты опешили. Выпад профессора ошеломил и тотчас стал предметом обсуждения студентами почти всего курса... Последовало предложение заставить профессора взять обратно свое оскорбление студентов курса, а если профессор не согласится на это, не посещать его лекций, пока он не извинится перед курсом». Курсовая забастовка продолжалась более месяца, после чего, незадолго до экзаменов студенты вернулись в аудиторию [1. С. 381–384].

Профессор Московского университета (ИМУ) Н.П. Боголепов в дневниковой записи за 25 февраля 1895 г. оставил такую заметку: «Был маленький инцидент у проф[ессора] Борбова. Разбирая в аудитории историю болезней, он смеялся над грамматическими ошибками, встречавшимися в них. Студенты нашли это оскорбительным и вышли из аудитории. <...> Бобров пользуется среди них (студентов. – М.Г.) популярностью, – подчеркивал Н.П. Боголепов, – и, несмотря на это, был наказан» [2. С. 54–55].

Приведем еще один пример чем-то похожего конфликта, но случившегося заметно позднее. В марте 1910 г. студенты первого курса юридического факультета ИТУ обратились к профессору И.В. Михайловскому с просьбой разрешить им издать его лекции за их счет. Профессор Михайловский отказал, сославшись на то, что у тех студентов, которые ходят на

лекции, и без того они есть. В ответ студенты на общем собрании объявили о бойкоте лекций И.В. Михайловского, выдвинув ряд требований, в том числе уважительного к ним отношения со стороны преподавателя. Конфликт этот разрешился только после вмешательства университетского начальства и администрации учебного округа [3. С. 647].

Три приведенных примера объединяет то, что студентами, которые шли на конфликт в описанных ситуациях, вероятно, двигали чувство несправедливости, обида, задетая честь.

Несколько в ином свете предстают действия студентов в описании случая (март 1903 г.), отложившегося в архивных делах киевского Университета Св. Владимира (ИУСвВ), когда студенты-математики обратились к пришедшему в лекционную аудиторию профессору Д.А. Граве с просьбой не читать лекции, так как они заняты обсуждением «одного важного для них вопроса». Д.А. Граве, ссылаясь на служебный долг, отказал студентам и предложил не желавшим слушать лекцию покинуть аудиторию. После этого состоялось голосование, выявившее, что большинство студентов слушать лекцию не хотели. Староста курса объявил, что решению большинства обязано подчиниться меньшинство и предложил всем студентам покинуть аудиторию, что они и сделали. После же того, как последним вышел профессор, студенты вернулись и продолжили свое совещание. Этот эпизод, разумеется, не мог остаться незамеченным учебным начальством, однако когда после дознаний выяснилось, что студенты обсуждали лишь учебные вопросы – программы экзаменов и издание профессорских лекций, – ректор решил ограничиться объявлением выговора ряду студентов, инициировавших собрание. Министерство, которому стало известно об этом, позднее сетовало на слишком мягкое наказание, хотя и не настаивало на его ужесточении [4. Л. 1–3].

Потенциально «конфликтноёмкой» всегда оставалась процедура сдачи зачетов и экзаменов.

По сообщению директора департамента полиции П.Н. Дурново (1888 г.), профессор Харьковского университета (ИХУ) А.И. Дудукалов «получил от имени студентов медицинского факультета, не выдержавших экзамена, письмо угрожающего характера с предупреждением, что если он, профессор, будет так же строго требователен, как до сих пор, то ему будет нанесено оскорбление одним из студентов, на кого упадет жребий» [5. Л. 1]. Подобный случай в мае 1899 г. произошел в Варшавском университете (ВИУ): инспектор студентов сообщил ректору Г.Э. Зенгеру, что по окончании экзамена на V курсе медицинского факультета один из студентов обратился к профессору М.А. Васильеву с жалобой на «малую, по его мнению, отметку “удовлетворительно”, поставленную ему на экзамене, и когда профессор ответил ему, что экзаменационная комиссия не признала его ответ заслуживающим высшей отметки и что его заявление о перемене отметки необоснованно, (студент. – М.Г.) обратился к профессору с угрозой: “Мы это Вам припомним, профессор”» [6. К. 134–134 об.]. Архивные материалы по истории того же университета сохранили информацию о любопытном своим размахом случае

студенческих беспорядков, связанных с экзаменационным процессом. По материалам дела, разбиравшегося университетским судом, в июне 1902 г. студенты второго курса медицинского факультета «нарушали обычный порядок» хода экзамена по фармации и фармакогнозии тем, что «шумели, толпой окружали экзаменационную комиссию, настойчиво требовали объявлять им выставляемые отметки», затем покинули место проведения экзамена. После возобновления экзамен продолжался до 11 часов вечера, после чего комиссия уединилась в кабинете инспектора для выставления оценок. Когда оценки были оглашены и выяснилось, что одному из экзаменовавшихся студентов выставлена неудовлетворительная оценка, студенты вновь взволновались и стали требовать её исправления. Получивший неудовлетворительную оценку студент ворвался в аудиторию, где заседала комиссия, и «словами дерзкими и поносительными» оскорбил профессора Д.Л. Давыдова [7. К. 262 об.–264 об.].

Крупный конфликт разгорелся в ИВУ в феврале 1909 г. в связи с требованиями студентов перенести сроки сдачи экзаменов. Состоялась студенческая сходка; ректор Е.Ф. Карский, желая прервать собрание, пошел к студентам. Описание событий самим ректором весьма примечательно: «Аудитория оказалась битком набитой студентами, так что едва с трудом удалось добраться до кафедры. Когда я вошел, студенты не встали, и два лица, стоявшие на кафедре, оттуда сошли только тогда, когда я сам стал перед ними (курсив мой. – М.Г.)». Выступление ректора возымело эффект, но прежде чем разойтись, студенты составили заявление с перечнем требований, одно из которых предполагало принятие ректором извинений студентам. По-видимому, ректор Е.Ф. Карский весьма обескураженный этим пунктом, просил председателя сходки студента К. Врублевского указать, в чем именно ему следует извиниться, на что студент «дерзко заявил, что каждый благовоспитанный человек, желая войти в собрание и держать речь, должен испросить разрешение председателя собрания и затем, поклонившись, говорить к присутствующим (так в тексте. – М.Г.); между тем ректор прямо вошел на сходку и предложил немедленно разойтись, угрожая по истечении 5 минут переписать присутствующих». К. Врублевский позднее был удален из университета, тогда как абсолютное большинство студентов, участвовавших в сходке (всего переписанных участников оказалось 296 человек), избежали наказания [8. К. 54, 57, 171–173].

Особо стоит рассмотреть случаи выступлений против неудовлетворявших студентов преподавателей. С конфликта началась академическая карьера в ИХУ 31-летнего П.Н. Бущинского, назначенного в 1885 г. и.д. экстраординарного профессора по кафедре русской истории. Его первые лекции, посвященные Смутному времени, сопровождались студенческими беспорядками. После одной из лекций было распространено студенческое воззвание: «Свистки и шиканье были направлены собственно не против лекции Бущинского, которая, впрочем, заслуживала такой награды, ибо и в ней он обнаружил полнейшую не-

способность к обобщениям и выводам, что в истории самой главное – они были единственно для нас возможной формой протеста против наполнения нашей злосчастной “almamater” разного рода тупицами и бездарностями, к числу которых, несомненно, принадлежит и г. Бучинский». В воззвании содержался прозрачный намек на то, что назначение П.Н. Бучинского стало возможным исключительно благодаря протезированию со стороны профессора историко-филологического факультета В.К. Надлера, который в ближайшее время должен был стать тестем П.Н. Бучинского [9. Л. 2–3]. Впрочем, описанная ситуация заметно не повлияет на карьеру П.Н. Бучинского в университете. Он останется преподавать на историко-филологическом факультете; в 1893 г. станет ординарным профессором, а в 1913 г. выйдет в отставку.

1910 год в Казанском университете (ИКУ) ознаменовался выступлениями против профессора И.М. Догеля, вызванными неудовлетворенностью студентов им как преподавателем и экзаменатором. 13 октября 1910 г. во время лекции 130 студентов-медиков подписали заявление следующего содержания: «В виду того, что профессор И.М. Догель уклоняется от принятой для медиков программы по фармакологии и что экзамен у профессора Догеля носит анекдотический характер, мы, нижеподписавшиеся медики 3 курса, отказываемся как посещать его лекции, так равно и экзаменоваться у него, и просим факультет назначить нового профессора». Известную объективность предъявляемых к И.М. Догелю претензий в мягкой форме подтвердил и ректор университета Г.Ф. Дормидонтов, указав в письме попечителю учебного округа А.Н. Деревицкому на преклонный возраст профессора (в 1910 г. И.М. Догелю было уже 80 лет) и его болезненное состояние. Исключительности этому случаю добавляет то, что недовольные профессором студенты не только публично высказывали свое неудовлетворение, но и обратились к профессору ИТУ П.В. Буржинскому, находящемуся тогда в Санкт-Петербурге, с предложением объявить в ИКУ курс параллельный курсу профессора Догеля. Из письма Попечителя А.Н. Деревицкого в министерство следует, что у студентов были сведения якобы от профессора Ф.Я. Чистовича о том, что, «левая профессура уже изъявила согласие на приглашение Буржинского, а правая обещала ничего не иметь против этого». Несмотря на упоминавшуюся в документах политическую подоплеку («левая профессура»), ректор ИКУ всякие политические мотивы в деле с бойкотом профессора Догеля отрицал: «Я уже имел случай докладывать, что с политикой это недовольство не имеет ничего общего, хотя давно известно старание и умение политических агитаторов использовать всякое недовольство учащейся молодежи в политических целях». Сообщая попечителю предысторию и подробности конфликта, ректор ИКУ писал, что до объявления бойкота профессору Догелю группы студентов дважды подходили к нему с просьбой о смене преподавателя. «Я ответил, – пишет ректор – что такой жалобы я не могу принять, так как не дело студентов назначать себе преподавателей» [10. Л. 1, 1 об., 9 об., 12–12 об.]. Вся эта история, вызвавшая

обильную переписку, не имела практического результата. П.В. Буржинский останется в Санкт-Петербурге, где будет заведовать кафедрой в психоневрологическом институте, а И.М. Догель останется в ИКУ до своей кончины в 1916 г.

По приведенным кейсам видно, что трения, связанные с учебным процессом, могли быть вызваны самыми разнообразными поводами, и, судя по тому, как случаи отразились в источниках, имели место как примеры, конфликтов, когда действия студентов было сложно назвать оправданными, так и случаи, когда студенческая реакция была эмоционально и морально объяснима. Обращает на себя внимание то, что большинство конфликтов приобретало массовый характер, что демонстрировало студенческую солидарность.

Однако куда более массовым явлением конца XIX – начала XX в. стали конфликты между студентами и преподавателями, сопровождавшие студенческое протестное движение.

С 1880-х гг. высшая школа Российской империи сотрясается от серии студенческих выступлений, которые, будучи обусловленными стремлением учащейся молодежи закрепить за собой корпоративные права, подпитывались благоприятной почвой предреволюционных и революционных политических процессов в России. Студенческие выступления были направлены, как правило, против инспекции, против чрезмерного административного надзора, часто приобретали политический характер, но довольно редко сопровождались какими бы то ни было конфликтами непосредственно между волновавшимися студентами и профессорами. Архивные материалы (рапорты, донесения, отчеты, переписка руководства университетов с попечителями о студенческих беспорядках) указывают, скорее, на косвенные трения (их обычно именовали «столкновениями») между профессурой и студенчеством на фоне студенческого движения.

Обобщение множества эпизодов позволяет выделить типовые случаи (формы) таких столкновений:

- прерывание речи преподавателя;
- требование студентов прекратить лекцию, срыв занятий;
- массовое непосещение лекций.

Приведем наиболее показательные примеры.

Документы по истории университетов пестрят сообщениями о срыве занятий. Например, ИКУ (9 февраля 1902 г.): «...вчера в первом часу дня <...> около ста двадцати человек вошли в аудиторию, где читал профессор Высоцкий, прервали лекцию и устроили сходку» [11. Л. 4]. ИХУ (29 января 1911 г.): «В 11 часов утра на лекцию профессора Тимофеева, где было 7 человек слушателей, за две минуты до звонка толпа студентов до 10 человек ворвалась в аудиторию и предложила профессору прекратить чтение лекции» [12. Л. 35]. Весьма распространенной формой проявления студентами недовольства стала обструкция. ИКУ (март 1907 г.): студенты требовали от ректора, чтобы тот предложил профессорам не читать лекции, «иначе они вынуждены будут применить мирную обструкцию, состоящую, по их объяснению, в том, что они свистом, пением, шумом будут препятствовать чтению лекции» [13. Л. 25–25 об.]. Имела место и так называемая

химическая обструкция. Бывший студент Санкт-Петербургского университета (ИСПбУ) С.Г. Струмилин вспоминает о студенческой забастовке 1899 г.: «Без всякого шума и скандала они проливали под самым носом неразборчивого лектора пару стекляночек специально заготовленных для этого химиками жидкостей вроде сероуглерода или меркаптана. В аудитории распространялся совершенно невообразимый, смертельный смрад. И лектор со своими слушателями пулей вылетал оттуда. А наблюдавшие со стороны этот вылет студенты, невольно зажимая носы, лишь провозжали беглецов любезными возгласами:

– Фу! Как скверно пахнет эта штрейкбрехерская наука» [14. С. 34].

О «химической обструкции» упоминается также в документах ИХУ за 1901 г. («[в студенческих прокламациях. – М.Г.] замалчивают такой недостойный поступок молодежи, как вытравление в Харьковском университете профессоров <...> сернистым углеродом») [15. К. 270] и ИВУ за 1911 г. («Студент 3-го курса юридического факультета Н.А. Монько находился 1-го февраля в вестибюле главного аудиторного здания в толпе студентов <...> когда был разбит сосуд с сернистым аммонием, распространившим зловонный запах») [16. К. 150].

Массовое непосещение лекций или забастовки случались в ИКУ (20 ноября 1912 г.): «...в знак протеста против приведения в исполнение смертного приговора над осужденными матросами Черноморского флота» [17. Л. 1]; (13–15 марта 1914 г.): трехдневная забастовка студентов в знак протеста «против давящей русское общество реакции» [18. Л. 1, 2, 7 об.]. Можно назвать и многие другие случаи.

Вышеприведенные виды и примеры студенческих акций объединены тем, что хотя и касались конкретных преподавателей (чи лекции тем или иным образом были сорваны), не были направлены персонально против того или иного профессора. Отказ студентов следовать правилам университетской жизни (в том числе аккуратно посещать занятия, вести себя уважительно с преподавательским составом) был демонстрацией недовольства внешними по отношению к университету обстоятельствами.

Имели место и другого рода выступления, такие как бойкот конкретных преподавателей и даже «суд над профессорами».

Попечитель Одесского учебного округа А.А. Мусин-Пушкин так описывал в министерском донесении деятельность студентов во время революции 1905–1907 гг.: «“Центральный орган” присвоил себе права судить неугодных ему профессоров, производить над ними следствие, выносить оскорбительные для их человеческого и профессорского достоинства приговоры» [19. Л. 51 об.].

Из секретной переписки между департаментом полиции и Министерством народного просвещения следует, что 13 сентября 1906 г. в ИХУ состоялась студенческая сходка, в которой приняли участие более 1 600 человек: «Большинством против 96 академистов объявлен бойкот профессорам членам русского собрания Вязигину, Денисову, Остроумову и Буткевичу» [20. Л. 1]. Архивные источники сохранили сведе-

ния про бойкот в 1908 г. профессоров ИКУ К.С. Мережковского и Е.П. Головина; здесь же можно упомянуть бойкот в 1897 г. студентами-поляками ИВУ шести профессоров за приветствие с их стороны закладки в Вильне памятника М.Н. Муравьеву, приобретшему известность в качестве руководителя подавления польского восстания 1863 г. [16. К. 70–70 об.].

Большой резонанс в 1908 г. вызвал бойкот студентами ИКУ лекций профессора В.Ф. Залеского, который, являясь убежденным монархистом, придерживался весьма консервативных политических взглядов. В.Ф. Залеский довольно часто за свою университетскую карьеру имел столкновения со студентами и успел стать для казанского студенчества одиозной фигурой. Осенью 1908 г. столкновения студентов с профессором Залеским приобрели особо масштабный характер. Декан юридического факультета профессора Г.Ф. Дормидонтов сообщает: «20 сентября вечером, что на лекции проф[ессора] В.Ф. Залеского были <...> беспорядки, выразившиеся в том, что собравшиеся в весьма большом числе на его лекцию слушатели (записавшихся на его лекцию всего не более 10 человек) в продолжение всей лекции шумели, кричали, прерывали лектора всякими возгласами, приглашали его замолчать, уходить из аудитории и т.п., а когда он все же дочитал лекцию свою до конца, то огромная толпа сопровождала его свистом и криками до дверей читальной комнаты; после чего толпа разошлась». Возмущенные студенты заявляли, что что профессор Залеский вместо курса энциклопедии и истории философии права «читает лекции не политические темы, которым место может быть на митингах, а не в университете». В объяснении, данном декану, профессор Залеский отмечал, что он решил «предпослать своим курсам общее введение, посвященное изложению основных принципов, которых он держится в науке, для сего прочесть до начала отдельных курсов семь двухчасовых лекций на следующие темы: 1) Либерализм, 2) Парламентаризм, 3) Франкмасонство, 4) Иудейская золотая кабала, 5) О материализме и жизни духа, 6) Учение славянофилов, 7) Национальные конституции: английская, германская, русская (самодержавие)». Согласно протоколу экстренного заседания Совета ИКУ далее декан спросил профессора Залеского «не найдет ли он возможным в виду волнения, вызванного уже его лекциями, в интересах спокойствия университета прекратить их и перейти к изложению курсов применительно к экзаменным программам? Проф[ессор] Залеский ответил, что сделать этого не может, что это нарушит стройность изложения его курсов и прибавил, что волнений он не боится и готов хотя бы встретить смерть, излагая то, что он считает истиной». Было решено допускать на лекции профессора Залеского только студентов, записавшихся на его лекции, для чего выдать им особые бланки для предъявления при входе в аудиторию [21. Л. 11–14 об.].

Процедура принятия решения на студенческой сходке о бойкоте одного из преподавателей – профессора ИМУ Г.А. Захарьина подробно описана в отношении ректора ИМУ П.А. Некрасова попечителю Московского учебного округа Н.П. Боголепову от

18 октября 1897 г.: «Предложенный студентом Алянаки план совещания был следующий: сперва анамнез, т.е. история так называемой “Захарьинской истории”; затем болезнь, т.е. есть ли тут преступление со стороны проф[ессора] Захарьина; потом status praesens [состояние в настоящее время (лат.). – М.Г.], т.е. в каком положении находится это дело; наконец, терапия, т.е. что делать им теперь. При рассуждении по этому плану участники сходки излагали вышеуказанную “историю”, читали из журнала “Врач”, № 4 1896 г. статью Жбанкова относительно проф[ессора] Захарьина и, по предложению председателя, дополняли эти сообщения различными пояснениями и сведениями. В конце концов пришли к решению, что следует считать преступлением запись на лекции проф[ессора] Захарьина, что записывающихся нужно чуждаться и что решение это обязательно и для отсутствующих <...>. Обсуждалась и терапия, т.е. разные меры нравственного давления против слушателей проф[ессора] Захарьина. Решено имена таких студентов, как зачумленных, сообщить студентам других курсов, слушающим лекции в клиниках. Предлагалось не давать слушателям проф[ессора] Захарьина книг из студенческой библиотеки, избегать совместного с ними кураторства» [22. Л. 10 об.–11].

Особого внимания заслуживает такой феномен, как «суд над профессорами». В Новороссийском университете (ИНУ) 23 ноября 1906 г. состоялась сходка, посвященная 96-й годовщине со дня рождения хирурга Н.И. Пирогова. Три профессора (Н.А. Батуев, С.С. Головин, С.В. Левашев), выразившие, по мнению студентов, «неуважение» сходке, были преданы суду. 26 ноября 1906 г. они получили извещения следующего содержания: «Центральный орган извещает г[осподина] профессора, что согласно постановлению студенческой сходки от сего числа, он придается университетскому суду по поводу инцидента на собрании Общества Русских врачей, посвященном памяти Н.И. Пирогова». Сходка постановила до окончания суда лекций профессора не посещать, но никаких агрессивных действий по отношению к нему не применять [23. Л. 2 об.]. О «суде над профессорами» вспоминали бывший студент ИСПбУ И.В. Егоров, упоминая при этом даже ректора Э.Д. Гримма и декана историко-филологического факультета Ф.А. Брауна [14. С. 114], и вдова министра, Е.А. Боголевова [24. С. 626–627].

Лучше понять настроение студенчества помогают разного рода прокламации, широко распространяемые в дни беспорядков. Так, «Декларация Новороссийского студенчества», принятая на сходке 25 марта 1907 г., гласила: «Систематическое извращение событий на медицинском факультете со стороны правых профессоров обязывает новороссийского студенчество в целях восстановления истины <...> выступить со следующим заявлением. Со дня объявления автономии правые профессора, не мирясь с тем, что своеволие и усмотрение начальства, покровительствующего им должно уступить место профессорскому коллективу, повели систематическую борьбу против прогрессивных элементов. Не стесняясь никакими средствами, эта группа профессоров начала свою дея-

тельность с травли союза младших преподавателей, в котором она видела наибольшую угрозу университетскому бюрократизму. <...> Говоря постоянно о святости университета как храма науки, эти профессора в своих реакционно-политических целях дезорганизовали академическую жизнь медицинского факультета <...> Сильные поддержкой реакционного правительства, они окольными, канцелярскими путями, минуя совет профессоров – высшую инстанцию автономного университета – добились утверждения избранных ими лиц. <...> Новороссийское студенчество заявляет, что попытки правых дезорганизовать университет и остановить его академическую жизнь встретят энергичный отпор со стороны всех студентов» [19. Л. 43–43 об.].

Любопытный феномен межреволюционных лет – бойкот студентами назначенных (а не избранных) преподавателей. Например, в 1911 г. министерство информировало попечителя московского учебного округа А.А. Тихомирова о готовившихся демонстративных студенческих акциях против профессоров Ф.Е. Рыбакова и В.А. Муратова «как назначенных Министерством» после известного ухода из ИМУ большой группы преподавателей [25. Л. 111]. В конце января 1913 г. студенты четырех первых курсов медицинского факультета ИХУ устроили трехдневную забастовку в знак протеста против факта назначения в университет Министерством народного просвещения профессора А.Ф. Брандта, переведенного из ИНУ. Забастовка проходила в форме непосещения лекций всех преподавателей. Накануне забастовки от имени «группы студ. с.-р. и с.-д.» было выпущено «Воззвание», в котором, в частности, говорилось: «Товарищи. 24-го числа вновь назначенный профессор Брандт читает первую лекцию. Вы, конечно, скажете, что назначение профессоров сделалось теперь явлением обыденным и что к этому можно было уже привыкнуть, но в прежние годы, т[оварищи], студенчество считало своим нравственным долгом выражать протест против попытки отнять остатки университетской автономии» [26. Л. 5–5 об., 8]. В воззвании упоминались петербургские профессора-назначенцы П.П. Мигулин, В.А. Удинцев и С.П. Никонов. Первый – как оставивший чтение лекций по причине бойкота его студентами, а два последних – как читавшие лекции по той же причине перед пустой аудиторией. В сентябре 1913 г. прошла однодневная забастовка студентов медицинского факультета в знак протеста против назначения в ИХУ приват-доцента Э.А. Жербовского, переведенного из Киева, вместо профессора С.С. Груздева, переведенного, в свою очередь, в Одессу [27. 17 сент.]. В январе 1914 г. на медицинском факультете ИХУ имел место студенческий протест против назначения профессора Н.П. Тринклера, выразившийся в однодневной забастовке [28. С. 12].

Большинство политических студенческих выступлений было направлено против правой профессуры. Однако в пёстром идейном ландшафте начала XX в. можно было встретить и иное явление: выступление правого студенчества против левой профессуры. Так, воззвание Студенческого отдела Союза русского народа при ИСПбУ, обращенное к «русским студентам», гласило: «Хитро лгья вашему самолюбию и

затуманивая глаза автономией Университета, шайка проходивцев жидов и инородцев захватила его в свои руки. <...> Многие из профессоров жида и жидовствующие Русским не дают ходу» [29. Л. 127]. Однако подобного рода заявления представляли собой ничтожную долю среди массы иных, противоположного политического окраса.

Анализ приведенных примеров позволяет выявить такие проблемные зоны отечественного университета рассматриваемого периода, как:

- разрыв между представлениями студентов и профессоров о правах и возможностях учащихся в университете;

- ограничения для легального проявления студенческой самоорганизации, де-факто имевшей место;

- политизация как студенчества, так и профессуры, вызывавшая острые идейные трения одних со вторыми.

В рассматриваемый период отношения между профессурой и студенчеством усложнялись. В ходе студенческих волнений у ряда профессоров укреплялось понимание необходимости менять отношение к

студенчеству как к неразумным юношам, нуждавшимся в перманентной опеке. На заседании Совета ИКУ 5 февраля 1905 г. профессор Г.Ф. Шершеневич говорил: «Надо же признать, что прошло, и безвозвратно, то время, когда администрация могла говорить: “Университет – это я”. Нет, Университет – это профессора и студенты, учащие и учащиеся. Только в их единении кроется жизненная сила Университета» [30. Л. 151 об.]. В этих словах можно разглядеть пролог к усилению позиций студенчества в вузах, типичный для первых послереволюционных лет. Как бы то ни было, патерналистская модель отношений между учащими и учащимися, устоявшаяся в XVIII – первой половине XIX в., претерпевала изменения. Естественные для всех времен межпоколенческие противоречия накладывались на беспрецедентное бурление общественной жизни. Привести университет в привычное равновесие в начале XX в. так и не удалось, поскольку новые времена требовали новых решений, которые в России будут искать лишь в контексте революционных преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский. Томск, 2014.
2. Страница из жизни Московского университета: Из записок профессора Н.П. Боголепова // Русский Архив. 1913. № 1.
3. Чишков С.Л. Иосиф Викентьевич Михайловский: «Идея личности есть высшая нормативная идея» // Российский либерализм: идеи и люди. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007.
4. Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 707. Оп. 262 (1903). Д. 9.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 84. Д. 458.
6. Archiwum Państwowe w Warszawie (APW). Z. 214. S. 543.
7. APW. Z. 214. S. 21.
8. APW. Z. 214. S. 28.
9. ГАРФ. Ф. 102 (Д.3). Оп. 1885. Д. 162.
10. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 733. Оп. 201. Д. 159.
11. Национальный архив Республики Татарстан (далее НАРТ). Ф. 92. Оп. 2. Д. 2109.
12. Государственный архив Харьковской области (далее ГАХО). Ф. 3. Оп. 287. Д. 3295.
13. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11447.
14. Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1982. Т. 2.
15. APW. Z. 214. S. 331.
16. APW. Z. 214. S. 540.
17. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 12346.
18. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 12801.
19. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). Ф. 42. Оп. 35. Д. 452.
20. РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 320.
21. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11683.
22. Центральный государственный архив города Москвы (далее ЦГАМ). Ф. 459. Оп. 2. Д. 4931.
23. ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440.
24. Боголепова Е.А. Николай Павлович Боголепов. Пред попечительством в Московском Учебном Округе // Русский Архив. 1906. № 4.
25. ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4933.
26. ГАХО. Ф. 3. Оп. 287. Д. 3725.
27. Южный край (Харьков). 1913.
28. Староверов Б. Немецкое пленение Харьковского университета. Харьков, 1915.
29. ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1443.
30. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 11101.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 июля 2017 г.

“IT IS NONE OF STUDENTS’ BUSINESS TO APPOINT TEACHERS THEMSELVES”: CONFLICTS BETWEEN PROFESSORS AND STUDENTS OF RUSSIAN UNIVERSITIES AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 67–73.

DOI: 10.17223/15617793/424/9

Mikhail V. Gribovskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mgrib@mail2000.ru

Keywords: university; professorship; students; conflicts; Russian Empire.

The article aims to reconstruct the problem areas that reflect the crisis of the Russian university at the turn of the 20th century through the description of conflict situations between professors and students that took place in this period. This research was conducted on the basis of published memoirs, as well as documents extracted from the State Archive of the Russian Federation, the State

Archive of the Capital City of Warsaw, the Central State Historical Archives of Ukraine, the Russian State Historical Archive, the Central State Archive of Moscow, the National Archives of the Republic of Tatarstan, the State Archives of Odesa Oblast, the State Archives of Kharkiv Oblast, the State Archive of Saratov Oblast. The author gives a classification of conflicts, their division into two large groups: 1) conflicts associated with the educational process and 2) conflicts that were part of the student protest movement. During the educational process, sometimes there were conflicts caused by a sense of injustice, a students' resentment of their professors. There were speeches against teachers who did not satisfy students' demands. The procedure for passing tests and exams was always potentially "conflict-intensive". However, conflicts between students and teachers that accompanied the student protest movement were much more widespread in the late 19th and early 20th centuries. There were student strikes, boycotts of certain teachers and even "trials of professors". The main part of political student speeches were against the "right-wing" professors who adhered to monarchical views. The author comes to a conclusion that the key problems of the university, determined by student-professor conflicts, were the following: gap between the views of students and professors about the rights and opportunities of students at the university; *de facto* restrictions on the legal manifestation of student self-organization; politicization of both students and professors which caused acute ideological tensions. It is important to note that during the period under review relations between professors and students became more complicated. During student riots, a number of professors strengthened their understanding of the need to change attitudes towards students as unreasonable young men who needed permanent guardianship. The paternalistic model of relations between teachers and students established in the 18th – first half of the 19th century was a thing of the past.

REFERENCES

1. Grechishchev, K.M. (2014) Iz zhizni studentov Tomskogo universiteta (do 1900 g.) [From the life of students at Tomsk University (before 1900)]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Russkiy Arkhiv. (1913) Stranitsa iz zhizni Moskovskogo universiteta: Iz zapisok professora N.P. Bogolepova [A page from the life of Moscow University: From the notes of Professor N.P. Bogolepov]. *Russkiy Arkhiv*. 1.
3. Chizhkov, S.L. (2007) Iosif Vikent'evich Mikhaylovskiy: "Ideya lichnosti est' vysshaya normativnaya ideya" [Iosif Vikentievich Mikhailovsky: "The idea of personality is the highest normative idea"]. In: Kara-Murza, A.A. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi* [Russian liberalism: ideas and people]. 2nd ed. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
4. Central State Historical Archives of Ukraine (TsGIAU). Fund 707. List 262 (1903). File 9.
5. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 84. File 458. (In Russian).
6. State Archive of the Capital City of Warsaw (APW). Unit 214. pp. 543. (In Polish).
7. State Archive of the Capital City of Warsaw (APW). Unit 214. pp. 21. (In Polish).
8. State Archive of the Capital City of Warsaw (APW). Unit 214. pp. 28. (In Polish).
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102 (D.3). List 1885. File 162. (In Russian).
10. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 201. File 159. (In Russian).
11. National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 92. List 2. File 2109. (In Russian).
12. State Archives of Kharkiv Oblast (GAKhO). Fund 3. List 287. File 3295.
13. National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 977. List "Sovet". File 11447. (In Russian).
14. Ezhov, V.A. & Mavrodin, V.V. (eds) (1982) *Leningradskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Leningrad University in the memoirs of contemporaries]. Vol. 2. Leningrad: Leningrad State University.
15. State Archive of the Capital City of Warsaw (APW). Unit 214. pp. 331. (In Polish).
16. State Archive of the Capital City of Warsaw (APW). Unit 214. pp. 540. (In Polish).
17. National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 977. List "Sovet". File 12346. (In Russian).
18. National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 977. List "Sovet". File 12801. (In Russian).
19. State Archives of Odesa Oblast (GAOO). Fund 42. List 35. File 452.
20. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 153. File 320. (In Russian).
21. National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 977. List "Sovet". File 11683. (In Russian).
22. Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fund 459. List 2. File 4931. (In Russian).
23. State Archives of Odesa Oblast (GAOO). Fund 42. List 35. File 440.
24. Bogolepova, E.A. (1906) Nikolay Pavlovich Bogolepov. Pred popechitel'stvom v Moskovskom Uchebnom Okruge [Nikolai Pavlovich Bogolepov. Prior to guardianship in the Moscow Academic District]. *Russkiy Arkhiv*. 4.
25. Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fund 459. List 2. File 4933. (In Russian).
26. State Archives of Kharkiv Oblast (GAKhO). Fund 3. List 287. File 3725.
27. *Yuzhnyy kray*. (1913).
28. Staroverov, B. (1915) *Nemetskoe plenenie Khar'kovskogo universiteta* [German captivity of Kharkov University]. Khar'kov: Tipografiya "Mirnyy trud".
29. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 588. List 1. File 1443. (In Russian).
30. National Archives of the Republic of Tatarstan (NART). Fund 977. List "Sovet". File 11101. (In Russian).

Received: 04 July 2017